

РОССИЙСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

КЛИМЕНКО ЛЮДМИЛА ВЛАДИСЛАВОВНА,

доктор социологических наук,
доцент, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: luklimenko@sfnedu.ru;

ПОСУХОВА ОКСАНА ЮРЬЕВНА,

кандидат социологических наук,
доцент, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: belloks@yandex.ru

Институциональные реформы российской армии оказывают влияние на условия и механизмы профессионализации сознания военнослужащих, на их ценностные установки и трудовые стратегии. Повышение в несколько раз оплаты труда военнослужащих, льготы по обеспечению жильем, медицинское обслуживание и пр. позволяют военным претендовать на особое социальное положение по сравнению с гражданским населением. Военные реформы расширяют возможности социальной мобильности в армии, а профессия военнослужащего снова становится конкурентоспособной. Результаты исследований среди офицерского состава ВС РФ и военных, проходящих службу по контракту (массовые опрос 470 военных в Москве и 256 – в Ростове-на-Дону, глубинные интервью с 15 офицерами) показывают позитивную динамику социоштатусных позиций военнослужащих в российском обществе. В настоящее время среди военных крупных городов можно фиксировать совмещение прагматических ориентаций с комплексом специфических ценностей (воинский долг, патриотизм, товарищество, отношение к собственной профессии как призванию), которые образуют основу военно-корпоративной идентичности. Механизмами усиления корпоративной профессиональной идентичности выступает династичность (пополнение данной профессиональной группы преимущественно выходцами из семей военных) и возможности социальной мобильности, что привлекает представителей малообеспеченных семей и жителей сельских территории. Материалы исследования показывают большую степень профессионализации сознания московских военнослужащих и рост прагматических ориентаций в работе, нейтральную оценку престижа военной профессии и более высокую удовлетворенность качеством своей жизни. Профессиональная идентичность важная, но не приоритетная составляющая их самоопределения. Для ростовских военных более значимыми являются гражданско-патриотические и материально-денежные параметры профессиональной деятельности. Военная идентичность является осевой характеристикой их самосознания. Однако притязания касательно значимости их труда не совпадают с оценкой ростовскими военными уровня своей социально-экономической обеспеченности. Таким образом, переход к модели профессиональной армии

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

предполагают смещение акцентов с героико-патриотических оснований идентичности военнослужащих к росту рационально-профессиональных ориентаций. В столице данный вектор трансформации является более выраженными, чем в южно-российском регионе. А в условиях кризисных явлений в экономике и до конца не решенных вопросов модернизации армии вызывает несоответствие ожиданий на привилегированное положение военных и реальной практикой их социально-экономического обеспечения.

Ключевые слова: российские военнослужащие, институт армии, военная реформа, профессиональная идентичность, я-идентичность, мы-группы, профессиональная мотивация.

RUSSIAN MILITARY PERSONNEL UNDER INSTITUTIONAL REFORMS: PROFESSIONAL ATTITUDE AND IDENTITY²

LYUDMILA V. KLIMENKO,

*Doctor of Sociology,
Associate Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: luklimenko@sfedu.ru;*

OXANA Y. POSUKHOVA,

*Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: belloks@yandex.ru*

Russian military reform influences conditions and mechanisms of professionalization of the servicemen's consciousness, their values and labor strategies. Multiple increase in the personnel wages, benefits for improving housing conditions, medical care, etc., allow the military to claim a special social position compared with the civilian population. Military reforms expand the opportunities for social mobility in the army, and the profession of the serviceman becomes again a competitive one. The research findings of the mass survey of 470 servicemen in Moscow and 256 servicemen in Rostov-on-Don, complemented by in-depth interviews with 15 officers demonstrate a positive trend in social status military positions in Russia. At present, among servicemen living in major cities, pragmatic orientations prevail, combined with a set of specific values (military duty, patriotism, partnership, attitude to one's profession as a calling), which form the basis of military-corporate identity. Dynasties (mainly relatives from military families are recruited) and the possibility of social mobility, which attracts representatives of low-income families and residents of rural areas, are the mechanisms of strengthening the corporate professional identity. The research findings indicate a greater degree of professionalization of the Moscow military personnel's consciousness and the growth of pragmatic orientations in their work, a neutral prestige assessment of the military profession and a higher satisfaction with the quality of their lives. Professional identity is important, but not a prior component of their self-determination. For the Rostov servicemen, civil-patriotic and material-monetary parameters of professional activity are more significant indicators. Military identity is an axial characteristic of their identity. However, the claims about the significance of their work do not coincide with the assessment of their socio-economic security for the Rostov

² The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation project No. 16-18-10306.

military personnel. Thus, the transition to the professional army model implies a shift from the heroic and patriotic foundations of the servicemen's identity to the growth of rational professional orientations. In the capital of Russia, this vector of transformation is more expressed than in the South-Russian region. Thus, in the face of the economic crisis and unresolved issues of army's modernization, the expectations for the privileged position of professional soldiers are inadequate for their real socioeconomic support.

Keywords: *Russian military personnel; army; military reform; professional identity; I-identity; we-groups; professional motivation.*

JEL: *Z13, Z18, J45.*

Введение

В последние десятилетия в России осуществляются реформы института армии, связанные с реорганизацией системы военного управления и структуры ВС, перевооружения и постепенного перехода к профессиональной армии. Модернизация армии также направлена на улучшение социально-экономических позиций военнослужащих в обществе. В последние годы значительно повысились размеры денежного довольствия военных, проводится активная политика по формированию позитивного имиджа ВС РФ, которому был нанесен существенный урон в постперестроечный период.

Необходимость создания мобильной, боеспособной армии предполагает также изменение содержания военного профессионализма, когда реорганизация внутреннего устройства военного института сопряжена с трансформацией профессиональных компетенций, ценностных оснований групповой солидарности военнослужащих, профессиональных стратегий и практик идентификации. Поэтому институциональные реформы армии в России, начатые в 2008 г. и планируемые завершиться к 2020 г., направлены не только на структурную и технологическую модернизацию, но и на изменение принципов подбора и профессионализации кадрового состава (Балашов, 2014, с. 159–160). Современной военной организации требуются образованные, физически подготовленные, мотивированные на овладение военной профессией люди.

Профессионализация сознания и стратегии военнослужащих формируется на нескольких уровнях. На институциональном уровне военной организации оформляются профессиональные компетенции, которые на практике реализуют офицеры, обретая социальный престиж и монополизируя свою нишу на рынке труда (Суркова, 2013а; Суркова, 2013б.). Переход к профессиональной модели армии также сопряжен с трансформацией идентичности военнослужащего от модели воина-героя, к идентичности воина-профессионала. На первое место должны выходить профессиональные знания и компетенции, что находит отражение и в системе военно-гражданских отношений. В свою очередь, новые экономические и политические условия существования российского государства, обострение международных отношений, наличие политических конфликтов в соседних странах также требуют повышения профессионализма офицерского и рядового состава. Таким образом, внешние и внутренние факторы модернизации военного института детерминируют рост профессиональной нагрузки на военнослужащих, предполагают освоение ими новых организационных и технологических форм и методов работы.

Поэтому настоящая статья посвящена анализу результатов эмпирического исследования особенностей профессиональных установок и идентичности военнослужащих двух мегаполисов (Москвы и Ростова-на-Дону). Рассматриваются вопросы оценки офицерами и военными, проходящими военную службу по контракту, своего социально-экономического положения, мотивации и удовлетворённости трудом, особенностей профессиональной идентичности и профессиональных ценностей в условиях реформирования института армии.

Обзор литературы

Профессиональная деятельность военнослужащих выступает предметом научных исследований как в рамках традиционной военной социологии, так и в более современных направлениях социологии и психологии военного персонала. В зарубежной литературе чаще всего предметом изучения становятся проблемы адаптации военных после завершения профессиональной карьеры в армии. Но можно выделить публикации, в которых рассматриваются проблемы удовлетворенности трудом и социально-психологического самочувствия военнослужащих (*Reiner and Zhao, 1999, p. 5–18; Sanchez, Bray, Vincus, Bann, 2004, p. 19–35; Antecol and Cobb-Clark, 2009, p. 713–738; Brooks and Greenberg, 2018, p. 80–90*). Исследуются вопросы профессиональных компетенций, влияние реформ и модернизации армии на социально-экономическое положение военных в Швейцарии (*Proyer, Annen, Eggimann, Schneider, Ruch, 2012, p. 577–590*), Румынии (*Rus and Sandu, 2013, p. 814–819*), США (*Pflanz and Ogle, 2006, p. 861–865*), Китае (*Yang, Miao, Zhu, Sun, Liu, Wu, 2008, p. 1333–1339*). В данных работах отмечается высокая психоэмоциональная нагрузка на военных, влияние уровня оплаты труда и возможностей карьерного продвижения на показатели удовлетворенности военнослужащих своим трудом. Анализируется также круг вопросов, связанных с показателями сплоченности и автономии, рисков дискриминации, соотношения обязательств и усилий в военной организации. Отмечается приоритетная роль государственной политики, а также сложившегося характера межгрупповых отношений и специфических институциональных ценностей в обеспечении профессиональной мотивации и позитивного социально-экономического самочувствия военнослужащих.

Следует выделить публикации, посвященные изучению профессиональной идентичности военнослужащих. В зарубежных работах отмечается, что основы военной идентичности формируются через утверждение и демонстрацию профессионального мастерства, компетентности и опыта военного; воспроизводства солидарности и товарищества среди армейцев, а также степени личного участия в событиях национального или глобального значения (*Woodward and Neil Jenkins, 2011, p. 252–268*). Результаты исследований в норвежской армии показывают, что военная идентичность напрямую определяет профессиональную компетентность армейцев, тогда как индивидуализм негативно влияет на организационную обязательность военных (*Johansen, Laberg and Martinussen, 2014, p. 521–543*). В ряде публикаций рассматривается взаимосвязь профессиональной карьеры, идентичности и служебных компетенций и навыков военных (*Li, Ning, Long, Duo, 2017, p. 49; Corona, 2011, p. 109–134*). Исследуется значимость корпоративной идентичности (значении военного товарищества, «фиктивного» родства) в становлении профессионального самосознания служащих вооруженных сил (*Woodward and Neil Jenkins, 2011, p. 252–268*). Выявляются также негативные аспекты идентичности военных, в том числе явления фрагментации (как разделения и изоляции профессиональной и личной областей) и оценивается эффективность программ морально-психологического сопровождения в армии (*Berghaus and Cartagena, 2013, p. 287–303*).

В современной российской науке обстоятельная разработка проблематики профессионального развития военнослужащих затрудняется закрытостью функционирования института армии. В России «государственную тайну составляют сведения в военной области: о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск и состоянии их боевого обеспечения, а также о военно-политической и (или) оперативной обстановке»³. Поэтому как минимум возникает проблема определения выборочной совокупности исследования. Большая часть публикаций связана с изучением профессиональной мотивации и

³ См.: Закон о государственной тайне (в ред. Федерального закона от 06.10.97 № 131-ФЗ) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения 15.06.2017).

установок курсантов военных училищ/вузов, а также особенностей адаптации и профессиональных стратегий бывших военнослужащих.

В контексте задач нашего исследования можно согласиться с И. Ю. Сурковой, которая определяет современный офицерский корпус как «бюрократически институционализированное профессиональное сообщество, обладающее ответственностью за обеспечение национальной и международной безопасности; социальной солидарностью, основанной на действии уставов и воинской этике; ролевой мобильностью, позволяющей армии трансформировать свои профессиональные задачи в соответствии с угрозами и ожиданиями граждан; набором привилегий перед гражданским населением, зафиксированным в социальном законодательстве» (Суркова, 2013б, с. 18).

В ряде работ последних лет говорится о снижении профессионализма военнослужащих в контексте реформирования российской армии. В частности, «организационные изменения воспринимаются военнослужащими как то, что происходит под влиянием извне», они «в очередной раз приспособляются к изменениям, но при этом не разделяют их цели и идеологию» (Диденко И. А. и Диденко А. А., 2015, с. 34–45). Другие авторы также отмечают, что при переходе к контрактной армии до конца не решен вопрос профессионализации рядового и сержантского состава, что вкупе с незавершенностью технического перевооружения российской армии не позволяют пока говорить о серьезном повышении «качества» российских Вооруженных Сил (Балашов, 2014, с. 169).

Проблематика профессионализации сознания военнослужащих осмысливается в российских публикациях в различных контекстах: 1) особенности формирования профессиональной идентичности молодых военных; (Кудрявцев, 2015, с. 113–117; Половнев, 2005; Соловьев, 2003); 2) влияние военного обучения на сознание будущих военных; (Шемякина, 2015, с. 120–124; Поляков, 2009, с. 117–120; Завальнюк, 2002; Карлова, 2009; Некрасов, 2005); 3) символические механизмы формирования идентичности военнослужащих, содержание обрядов и ритуалов срочной службы (Агранат, 2010; Светличная, Мосягин и Губерницкая, 2012, с. 112–128; Банников, 2002; Кормина, 2005).

При разработке исследовательского дизайна настоящей работы мы опирались на идеи институциональной обусловленности профессионального сознания военнослужащих, высокой степени зависимости самочувствия военных от государственной политики и направленности армейских реформ; эмпирической верификации профессиональной идентичности военнослужащих через показатели удовлетворенности и приверженности работой, стабильности и престижности профессии военного, места профессиональных общностей в структуре мы-групп.

Описание прикладного исследования

Армейская реформа в России связана с переходом к новым принципам военного управления, ликвидацией «многоярусности» и повышением оперативности управления войсками в рамках трехзвенной структуры: «округ» – «оперативное командование» – «бригада». Поэтому при исследовании профессиональных установок военнослужащих необходимо учитывать специфику геополитического расположения городов. Москва – это преимущественно координационный центр, удаленный от горячих точек, сил и средств обороны, а в Ростове-на-Дону сосредоточено оперативное командование.

Социологический опрос военнослужащих проводился в марте-апреле 2017 г. В нем приняли участие представители офицерского состава ВС РФ и военные, проходящие службу по контракту. По стандартизированной анкете в Ростове-на-Дону⁴ было опрошено 256 человек (93,3% мужчин), в Москве – 470 человек (94,9% мужчин).

⁴ Ростов-на-Дону – крупнейший город на Юге России, административный центр Южного федерального округа и Ростовской области. Численность населения города составляет 1,1 млн. человек.

В силу требования охраны сведений содержащих государственную тайну и неразглашения информации, предназначенной для служебного пользования, невозможно четко организовать выборку опроса военных. Можно судить, в каком населенном пункте размещены силы и средства ВС РФ только по косвенным признакам. Помимо этого, структура личного состава неоднородна по демографическим (пол, возраст, образование) и профессиональным (специфика выполняемой работы, уровень ответственности, опасность для жизни) характеристикам. Параметры выборки опроса военных представлена в табл. 1–2.

Таблица 1

**Выборка социологического опроса военных российских мегаполисов.
Распределения групп опрошенных по возрасту и выслуге (в %)**

	Возраст				Выслуга лет в ВС РФ				
	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	2–5 лет	6–10 лет	11–15 лет	16–20 лет	Свыше 20 лет
Москва	25,5	36,0	34,0	4,5	18,0	29,9	25,3	14,1	12,7
Ростов-н/Д	31,5	42,4	26,1	-	15,1	22,3	26,9	16,4	19,3

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Распределения групп опрошенных по званию (в %)

	старший офицер	младший офицер	прапорщик	сержант, старшина	рядовой
Москва	19,1	39,3	15,8	19,2	6,6
Ростов-н/Д	17,8	42,1	15,9	15,9	8,3

Источник: составлено авторами.

Методом глубинного полуструктурированного интервью было опрошено 15 военных офицеров, из них: 7 – в Москве, 8 – в Ростове-на-Дону.

Социально-профессиональные установки военнослужащих

В последние годы в России актуализируется военно-патриотическая риторика официальной власти, институт армии опять начинает играть важную роль в процессах национально-государственной идентификации населения. Вместе с тем остаются не разрешенными до конца социально-экономические проблемы военной организации, что не позволяет полностью преодолеть оставшиеся с постсоветского времени проблемы маргинализации статуса военнослужащих в обществе. Профессиональная деятельность армейцев связана с приоритетной задачей – обеспечением безопасности государства, поэтому военнослужащие претендуют на особый социальный статус, повышенный уровень материального обеспечения и льготы. В то же время реальный уровень жизни и доступ к ресурсам зачастую вызывает у военнослужащих неудовольствие своим социально-экономическим положением.

Результаты проведенного исследования показали, что большинство военнослужащих нейтрально оценивают престиж их профессии (в Москве – больше половины опрошенных, в Ростове-на-Дону – около 40%). Тогда как профессию военного считают престижной около трети столичных военнослужащих и уже половина ростовских армейцев (рис. 1).

Рис. 1. Является ли профессия военного престижной в обществе? (в %)

Источник: составлено авторами.

Большинство опрошенных военнослужащих двух городов указывают, что за прошедшие 5 лет престиж их профессии, безусловно, повысился. Более уверенны в этом московские военные, чем ростовские (80,3% против 69,4%). Прогнозируют повышение своих статусных позиций в ближайшем будущем также в два раза больше военнослужащих г. Москвы, чем Ростова-на-Дону (87,6% против 40,2%) (табл. 3).

Таблица 3

С Вашей точки зрения, изменился за прошедшие 5 лет престиж профессии военного в российском обществе? И изменится ли престиж профессии в ближайшие 5 лет? (в %)

Вариант ответа	Москва		Ростов-н/Д	
	За прошедшие 5 лет	В ближайшие 5 лет	За прошедшие 5 лет	В ближайшие 5 лет
повысился/повысится	80,3	87,6	69,4	40,2
не изменился/не изменится	15,0	7,3	17,6	14,0
понижился/понижится	-	-	9,3	6,5
затрудняюсь ответить	4,7	5,1	3,7	39,3

Источник: составлено авторами.

Если посмотреть на результаты общероссийских исследований Фонда общественного мнения (ФОМ), то можно увидеть, что с 2010 г. по настоящее время статус военнослужащих в оценках населения возрос в несколько раз (с 22% – в 2010 г. до 60% в – 2018 г.). Однако в столице фиксируется более критичное восприятие престижности армейской профессии со стороны граждан, чем в крупных городах (табл. 4).

Таблица 4

По вашему мнению, сегодня в российском обществе престиж военного высокий или низкий? (в %) Опрос ФОМ (Официальный сайт ФОМ, дата обращения 20.03.2018)

Вариант ответа	2010	2012	2017	2018		
				Все	Москва	города 1 млн и более
высокий	22	21	62	60	47	67
низкий	35	27	12	13	18	13
ни высокий, ни низкий	32	40	17	17	27	12
затрудняюсь ответить	11	12	9	10	9	7

Источник: составлено авторами.

Материалы глубинных интервью показывают, что опрошенные офицеры отмечают повышение в последние годы статуса военнослужащих. Но того уровня уважения, которые имели советские офицеры, в современном обществе уже нет:

– «Я раньше, заходя в магазин в форме, чувствовал обожание, было комфортно везде. Потом перестройка загнала, стали стесняться, заставляли не ходить в военной форме вне рабочего времени. Соответственно, чтобы обратно привыкнуть, это не так просто. Многие не понимают, завидуют, что повысили зарплату...» (подполковник, 49 лет, Москва);

– «В свое время статус военного в советском обществе был такой, что... на него обращали внимание люди других специальностей. Они понимали, что это оплот и сила нашей страны. Сейчас, на данный момент, он чуть ниже того, что было в советское время. Раньше люди спокойно, не стесняясь, ходили в военной форме. Это было гордостью. Также зарплата военных была достаточно высокой в то время. Зарплата низшего офицерского звена, прапорщика сравнивалась с оплатой инженера на заводе, на производстве вредном. Ну, а сейчас, в принципе, у нас высокой зарплатой никто не удивится» (полковник, 46 лет, Ростов-н/Д);

– «В советском обществе однозначно выше был статус военнослужащего, было больше уважения и авторитета. Мне кажется, это связано с тем, что в советское время более свежие воспоминания были о Второй мировой войне, и больше людей, которые общались с ветеранами, у которых было еще все это свежо...» (майор, 34 года, Ростов-н/Д);

– «Большинство сейчас расценивают профессию военного как легкие деньги, и это очень сильно разочаровывает. Раньше, когда военные ходили в форме – это была гордость, желание защитить родину, отечество. А сейчас люди, которые приходят на службу по контракту, ищут только материальные ценности» (капитан, 26 лет, Москва).

В процессе исследования военнослужащим предлагалось оценить базовые стороны своей жизни (достаток, здоровье, досуг и пр.) по пятибалльной шкале. Эмпирические замеры показали, что в целом московские военные выше оценивают качество своей жизни, чем ростовские респонденты. Интегративный показатель удовлетворенности в первом группе составляет 4,3 средних балла и во второй группе – 3,7.

Наиболее высоко военнослужащие двух городов оценивают свое здоровье, жилище и то, как складывается жизнь в целом (от 4,0 до 4,5 средних баллов). Существенная разница наблюдается в оценке качества отдыха, которое московскими военнослужащими оценивается практически в два раза выше, чем ростовскими. Заметная также разница и в оценке достатка, которая больше устраивает столичных военных.

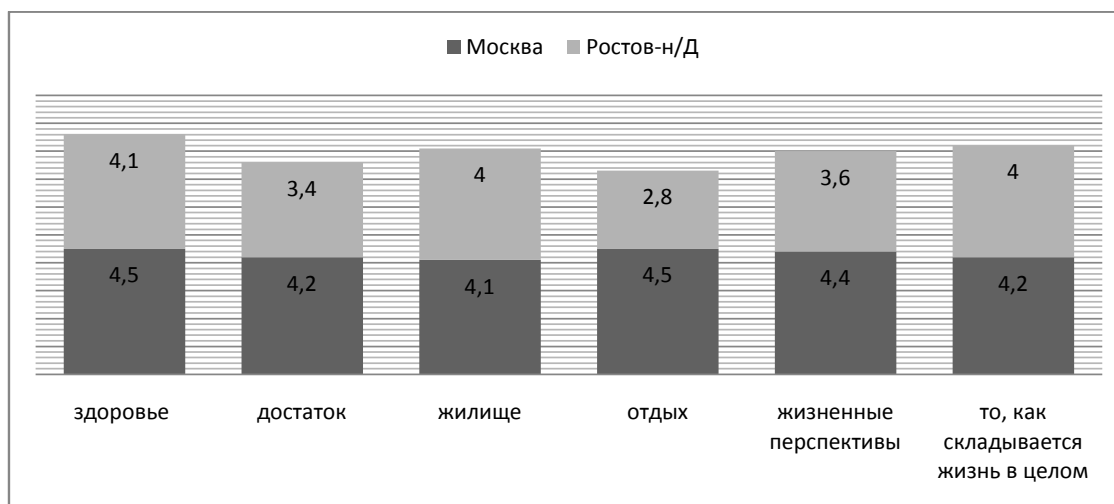

Рис. 2. «Оцените различные стороны своей жизни», средние баллы

Источник: составлено авторами.

Показательны результаты опроса в отношении мотивов профессионального выбора. Исследование показало, что наиболее распространенными причинами заключения контракта на службу в армии являются:

- 1) прагматические ориентации (обеспечить определенный уровень жизни, социальные гарантии, возможность избежать безработицы);
- 2) гражданско-патриотические установки (стремление служить родине, долг перед отечеством, возможность принести больше пользы обществу);
- 3) привлекательность профессии военного и карьерные ориентации (профессия соответствует моим способностям, умениям; привлекает моя военно-профессиональная специализация; желание сделать карьеру в армии) (табл. 5).

На этом фоне фиксируется разница между респондентами двух городов, когда московские военнослужащие чаще указывают на профессиональные мотивы выбора службы в армии, для ростовских военных более значимы материальные и гражданско-патриотические мотивы (табл. 5).

Глубинные интервью с офицерским корпусом выявляют, что каждый шестой информант указал, что служба в армии связана с продолжением семейной династии: *«Думать о службе стал в школе. Проживал в военном гарнизоне, отец – военнослужащий, поэтому решил пойти по его стопам... Влияние оказывала общая обстановка, потому что прожил всю жизнь в военном гарнизоне, и поэтому, кроме того как стать военным, ничего и не думал»* (капитан, 27 лет, Ростов-н/Д); *«Задумался еще в глубоком детстве, так как вся семейная династия состояла из военнослужащих. Отец, дед, прадед – все были военнослужащими, и в разных воинских званиях были...»* (сержант, 22 года, Ростов-н/Д); *«Стал думать с детства, отец военнослужащий. Патриотический долг. Получение военного образования. Другой профессии, кроме военной, я не видел. Военный городок. Армия»* (капитан, 33 года, Москва).

Материальные мотивы и возможность социально-профессиональной мобильности чаще встречаются среды выходцев из малообеспеченных семей и из сельской местности: *«Для меня первая цель была это – получить образование. Второе, так как семья многодетная, то это чтобы я не нуждался в деньгах и мог обеспечить их жизнь и старость. И третье – это карьерный рост, сейчас сложно где-то устроится на работу и делать карьеру»* (капитан, 26 лет, Ростов-н/Д); *«Получить высшее образование, с учетом того, что я был из деревни – это было перспективой – перебраться в большой город, изменить свою жизнь к лучшему. К тому же социальные льготы, гарантии...»* (майор, 34 года, Ростов-н/Д); *«Сейчас на выбор военной профессии влияет денежное довольствие. Идут в Вооруженные силы зачастую, чтобы получить жилье, потому что на хозяйственной гражданке им тяжело с этим. Нужно или деньги в банке брать под высокие проценты и потом думать, что с этим делать... Или иметь возможность зарабатывать, получать жилье, обеспечивать свою семью и также заниматься своим любимым делом – это защищать свою Родину»* (полковник, 45 лет, Москва).

С другой стороны, результаты ответов военнослужащих на вопрос, что в их работе кажется им существенным сейчас, показывает снижение среди столичных респондентов в несколько раз гражданско-патриотических мотивов и рост прагматических установок. Не оправдываются для военных из Москвы и ожидания карьерного роста в армии. В ростовском сегменте опрошенных мотивы выбора военной профессии и важность на современном этапе данных установок практически не меняются (табл. 5).

Таблица 5

Почему Вы выбрали профессию военного? Что в Вашей работе кажется Вам наиболее существенным сейчас? (в %, несколько вариантов ответа)

	Мотивы выбора		Важно сейчас	
	Москва	Ростов-н/Д	Москва	Ростов-н/Д
профессия соответствует моим способностям, умениям	59,1	47,2	28,6	59,3
стремление служить родине, долг перед отечеством, патриотические чувства	57,4	65,7	6,4	54,6
организованность, порядок, дисциплина в армейской среде	63,8	25,9	7,7	21,3
привлекает моя военно-профессиональная специализация, желание стать грамотным специалистом в этой сфере	46,0	46,3	27,4	41,7
возможность обеспечить достойный уровень жизни	69,8	53,7	66,2	53,7
профессия военного ценится в обществе	15,7	29,6	4,3	26,9
желание сделать карьеру в армии	54,9	29,6	10,7	28,7
продолжение профессиональной династии	15,7	19,4	3,0	15,7
возможность получения высшего (специального) образования	6,8	23,1	9,0	14,8
желание заниматься настоящим мужским делом	31,9	34,3	5,1	30,6
возможность принести больше пользы обществу	10,6	26,9	9,8	27,8
получение социальных преимуществ и льгот (пенсия, жилье, ипотека и пр.)	7,7	47,2	32,1	49,1
возможность избежать безработицы	28,1	27,8	7,3	27,8
стремление к физическому самосовершенствованию	13,6	25,9	32,1	20,4
возможность приобрести уважение, признание в обществе	23,4	17,6	6,8	15,7
не было особого выбора	8,5	14,8	-	8,3

Источник: составлено авторами.

Таким образом, в результате реформ армии в российском обществе фиксируется выраженная позитивная динамика статусных позиций военнослужащих, повышение качества их жизни (доход, жилищные условия, жизненные перспективы). Если в советское время армия символизировала могущество державы и ее победы во Второй мировой войне, то в пореформенный период военный институт подвергся выраженному институциональному кризису. В настоящее время под воздействием социальной политики государства вновь повышается престиж военной профессии, улучшается социально-экономическое положение армейцев. На этом фоне в российской столице сами военные и гражданское население ниже оценивают престиж армейской профессии, чем в провинциальном крупном городе. В то же время фиксируется более высокая удовлетворенность базовыми сторонами своей жизни московских военнослужащих, чем ростовских. Для столичных военных характерны прагматические установки службы в армии, тогда как среди военнослужащих Ростова-на-Дону более выраженными являются гражданско-патриотические ориентации.

Профессиональная идентичность военнослужащих

Несмотря на то, что переход к профессиональной армии предполагает перенос акцента с модели воина-героя, который был распространён в советский период, к идентичности военного-профессионала, вместе с тем в современных российских условиях по-прежнему культивируются героические образы армейцев, предполагающие усиление эмоционально окрашенных ценностей патриотизма и защиты Родины. Между тем подобная идентификация военных уже не обеспечивается устойчивыми институциональными

основаниями советского времени (общая идеология, определение военной службы как служения обществу и морально-нравственного долга). Реформирование института армии в условиях новых социальных расслоений и трансформации системы ценностей способствует замещению гражданско-патриотических оснований профессиональной идентичности военнослужащих прагматическими ориентациями.

В нашем исследовании для изучения структуры социальной идентичности военнослужащих использовались две распространенные социально-психологические методики: 1) измерение «я-идентификаций» как индикатора структуры и приоритетных позиций в личностной самоидентификации; 2) анализ «мы-идентификации» как показателя включенности людей в социально-групповые общности. Различия методик в том, что они акцентируют внимание на различных механизмах идентификации. В я-идентификациях респондент фокусирует внимание на самохарактеристиках, рационализируя наиболее значимые для него социальные роли. Вопрос о мы-идентификациях смещает акцент на более эмоциональное отношение респондента к окружающим группам или воображаемым сообществам, соотносясь с которыми он чувствует их близость или отторжение (Денисова и Клименко, 2013, с. 27).

Методика фиксирования «я-идентификаций» была предложена М. Куном и Т. Макпартлэндом в тесте «Кто Я?». Различные модификации данной методики предлагались российскими учеными Т. В. Румянцевой, Т. З. Коздовой (Румянцева, 2006, с. 82–103; Козлова, 1995, с. 76–80), польскими исследователями К. Косэлой, М. Грабовской, Т. Шавелем и др. (Данилова, 2006, с. 75–76). В нашем исследовании респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос (не предполагающий сформулированных заранее вариантов ответа) о том, как они видят и определяют себя в обществе.

При всей своей внешней простоте это вопрос вызвал большие затруднения при заполнении анкет. В ходе глубинных интервью наиболее типичными были следующие ответы: «Я – гражданин. Я – военнослужащий. Я – житель. Я – друг. Я – брат. Я – водитель» (сержант, 22 года, Ростов-н/Д); «Товарищ, друг, подчиненный, сослуживец, муж, сын, брат» (капитан, 27 лет, Ростов-н/Д); «Начальник, защитник Отечества, муж, отец, сын, ну и просто человек» (полковник, 46 лет, Москва); «Человек, личность, гражданин, отец, муж, семьянин, офицер, защитник» (капитан, 35 лет, Москва). Часто встречается идентификация через морально-нравственные и героические самоопределения: «Я защитник этого общества... Этим многое объясняется и не стоит искать целых десять определений. Этого достаточно... (майор, 34 года, Ростов-н/Д); «Я победитель, хочу добиться многого» (36 лет, капитан, Москва).

По результатам массового опроса фиксируется доминирование следующих я-идентификаций военнослужащих двух городов:

- абстрактно-социальная идентичность (человек, индивид, личность);
- профессиональная идентичность: 1) самооценка способности к деятельности, навыков, умений, знаний, компетенции, достижений; 2) обобщенные характеристики – профессионал, специалист и пр.; 3) конкретно-профессиональная идентичность – военный, офицер, полковник и пр.;
- примордиальная идентификация (гендерные, семейные статусы).

В частности, большая часть московских и ростовских военнослужащих идентифицируют себя в первую очередь по абстрактно-социальному основанию (41,8% – 1 упоминание, 25,2% – 2 упоминание, 15,9% – 3 упоминание). На втором месте располагается профессиональная идентичность, которая включает самооценку способности к деятельности, навыков, умений, знаний, компетенции, достижений (8,5% : 14,3% : 9,2% соответственно). Сюда же входят обобщенно-профессиональная идентичность (7,4% – 1 упоминание, 8,2% – 2 упоминание, 11,6% – 3 упоминание) и конкретно-профессиональная идентичность (6,7% : 8,8% : 5,1% соответственно) (табл. 5).

Третье место в структуре идентификации военнослужащих крупных российских городов занимает идентичность с семейными ролями (муж, отец, сын, брат) (8,2% – 1 упоминание, 10,3% – 2 упоминание, 15,9% – 3 упоминание). И на четвертом месте располагается идентификация как субъекта общения (14,6% : 12,7% : 16,1% соответственно) (табл. 6).

Таблица 6

«Кто я в обществе? Дайте десять различных ответов на этот вопрос. Отвечайте так, как будто Вы отвечаете самому себе, а не кому-то другому. Располагайте ответы в том порядке, в котором они приходят вам в голову. Не заботьтесь об их логичности»

Упоми- нение ⁵	Я-идентификация (в %)				
1	абстрактно соц. идентичность 41,8	деятельность, навыки 8,5	семейная принадлежность 8,2/ пол 4,4	обобщенно- профессиональн. позиция 7,4	конкретно профессиональн. позиция 6,7
2	абстрактно соц. идентичность 25,2	деятельность, навыки 14,3	семейная принадлежность 10,3 / пол 2,1	обобщенно- профессиональн. позиция 8,2	конкретно профессиональн. позиция 8,8
3	семейная принадлежность 15,9/ пол 4,6	абстрактно соц. идентичность 15,7	общение или субъект общения 14,6	профессиональн. позиция: обобщ. 11,6/ конкр. 5,1	деятельность, навыки 9,2
4	семейная принадлежность 17,2/ по 3,3	общение или субъект общения 12,7	профессиональн. позиция: обобщ. 12,5 / конкр. 7,2	деятельность, навыки 11,6	абстрактно социальная идентичность 10,8
5	семейная принадлежность 22,5/ пол 2,3	общение или субъект общения 16,1	абстрактно соц. идентичность 10,7	профессиональн. позиция: обобщ. 9,2 / конкр. 4,3	дружба или круг друзей 8,1
6	семейная принадлежность 17,1/ пол 2,4	общение или субъект общения 14,4	абстрактно соц. идентичность 12,3	дружба или круг друзей 10,8	профессиональн. позиция: обобщ. 6,6/ конкр. 5,4
7	семейная принадлежность 18,2/пол 1,5	общение или субъект общения 17,2	дружба или круг друзей 13,2	абстрактно соц. идентичность 9,5	деятельность, навыки 6,8
8	семейная принадлежность 21,1/ 0,6	общение или субъект общения 16,9	дружба или круг друзей 10,9	абстрактно соц. идентичность 8,6	профессиональн. позиция: обобщ. 65,4 конкр. 4,5
9	семейная принадлежность 19,5/ пол 1,3	общение или субъект общения 18,8	абстрактно соц. идентичность 11,2	обобщенно- профессиональн. позиция 7,9	дружба или круг друзей 6,9
10	общение или субъект общения 14,8	абстрактно соц. идентичность 13,4	дружба или круг друзей 11,7	семейная принадлежность 9,3/ пол 0,7	деятельность, навыки 7,2

Источник: составлено авторами.

⁵ Расположение ответов в порядке их упоминания. В каждой строке указаны наиболее распространенные характеристики я-идентичности, упоминавшиеся в первую очередь, во вторую, в третью и т.д.

Для оценки структуры мы-идентификаций военнослужащих использовалась методика, используемая в работах В. А. Ядова, Н. Е. Тихоновой и их коллег (Ядов, 2000, с. 76–86). Было предложено оценить, насколько им близки различные группы и общности. Результаты опроса показали, что военнослужащие чаще всего ощущают близость со своей семьей. Для военных в Москве во вторую очередь важно чувство общности с людьми, разделяющими общие взгляды на жизнь. Тогда как для ростовских армейцев приоритетнее профессиональные мы-группы. А также южно-российские респонденты часто ощущают близость с сослуживцами. Московские военнослужащие на третье место по важности выносят региональную идентичность, хотя профессиональная идентичность совсем немного уступает ей по процентным показателям (табл. 7).

Таблица 7

«Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. С какими группами и в какой степени Вы испытываете чувство общности?», %

Вариант ответа	Москва			Ростов-н/Д		
	часто	иногда	практич. никогда	часто	иногда	практич. никогда
с членами своей семьи	86,4	10,2	3,4	88,5	8,7	2,9
с людьми, разделяющими общие взгляды на жизнь	83,8	14,9	1,3	68,0	27,2	4,9
с жителями своего региона	77,9	19,1	3,0	66,0	32,0	1,9
с людьми той же профессии, рода занятий	72,6	26,5	0,9	85,6	12,5	1,9
с товарищами по работе, учебе	69,8	30,2	-	83,0	14,2	2,8
с людьми того же материального достатка	69,4	27,7	3,0	61,5	35,6	2,9
с людьми, близкими по политическим взглядам	65,5	14,5	20,0	52,9	38,5	8,7
с людьми, живущими в том же городе	65,1	15,7	19,1	61,8	31,4	6,9
с людьми одного поколения	65,0	35	-	78,3	19,8	1,9
с россиянами/ гражданами России	63,2	31,6	5,1	75,0	21,2	3,8
с людьми, того же вероисповедания/ религии	53,6	44,3	2,1	56,3	30,1	13,6
с людьми той же национальности	50,6	47,2	2,1	75,2	19,0	5,7

Источник: составлено авторами.

Таким образом, на уровне мы-групп опрошенные военнослужащие часто указывают на чувство близости с другими военными, со своими сослуживцами. Об этом особенно часто говорили ростовские военные во время глубинных интервью: *«Я думаю, что с товарищами по работе у нас понимание едва ли не стопроцентное. Один склад ума, опять же, профессиональная деформация касается нас в одинаковой степени. Какие-то общие темы, даже, банально говоря, общий юмор»* (сержант, 22 года, Ростов-н/Д); *«У нас есть товарищество, единение, братство»* (капитан, 36 лет, Ростов-н/Д); *«Товарищество – один из принципов построения Вооруженных сил. Когда ешь с одного котелка, многое становится ясно»* (капитан, 31 год, Ростов-н/Д).

По мнению опрошенных военнослужащих наиболее ценными чертами в профессии военного является следующее характеристики:

- морально-нравственные качества: воинская честь, достоинство (Москва – 48,9%, Ростов-на-Дону – 71,3%), смелость, отвага, героизм (31,9% и 38% соответственно);

- профессиональные качества: профессионализм, знание своего дела (55,5% – в первой группе и 53,7% – во второй), умение разбираться в вооружении и военной техники (37% и 35,2% соответственно);
- гражданско-патриотические ценности: любовь к Родине (29,4% – в столице и 50% – в донском регионе); повышенная ответственность за безопасность своей страны (48,5% и 29,6% соответственно);
- военно-корпоративные качества: командный дух, воинское товарищество (46,4% – в Москве и 30,6% – в Ростове-на-Дону); дисциплина, субординация, исполнение устава (27,2% и 25% соответственно).

В результате, эмпирические замеры позволяют заключить, что идентичность военнослужащих крупных городов конструируется через отождествление с семьей и ближайшим окружением (профессиональные, мировоззренческие, региональные общности). При этом фундирующей осью идентичности выступает служебная деятельность и сопряженные с ней установки, интересы и жизненные перспективы.

Заключение

Институциональные реформы российской армии оказывают влияние на условия и механизмы профессионализации сознания военнослужащих, на их ценностные установки и трудовые стратегии. Повышение в несколько раз оплаты труда военнослужащих, льготы по обеспечению жильем, медицинское обслуживание и пр. позволяют военным претендовать на особое социальное положение по сравнению с гражданским населением. Военные реформы расширяют возможности социальной мобильности в армии, а профессия военнослужащего снова становится конкурентоспособной. Результаты исследований показывают позитивную динамику социостатусных позиций военнослужащих в российском обществе.

В настоящее время среди военных крупных городов можно фиксировать совмещение прагматических ориентаций с комплексом специфических ценностей (воинский долг, патриотизм, товарищество, отношение к собственной профессии как призванию), которые образуют основу военно-корпоративной идентичности. Механизмами усиления корпоративной профессиональной идентичности выступает династичность (пополнение данной профессиональной группы преимущественно выходцами из семей военных) и возможности социальной мобильности, что привлекает представителей малообеспеченных семей и жителей сельских территорий.

Материалы исследования показывают большую степень профессионализации сознания московских военнослужащих и рост прагматических ориентаций в работе, нейтральную оценку престижа военной профессии и более высокую удовлетворенность качеством своей жизни. Профессиональная идентичность важная, но не приоритетная составляющая их самоопределения. Для ростовских военных более значимыми являются гражданско-патриотические и материально-денежные параметры профессиональной деятельности. Военная идентичность является осевой характеристикой их самосознания. Однако притязания касательно значимости их труда не совпадают с оценкой ростовскими военными уровня своей социально-экономической обеспеченности.

Таким образом, переход к модели профессиональной армии предполагают смещение акцентов с героико-патриотических оснований идентичности военнослужащих к росту рационально-профессиональных ориентаций. В столице данный вектор трансформации является более выраженными, чем в южно-российском регионе. А в условиях кризисных явлений в экономике и до конца не решенных вопросов модернизации армии вызывает несоответствие ожиданий на привилегированное положение военных и реальной практикой социально-экономического обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат Д. Л. (2010). Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения: Автореф. дис. д-ра социол. наук. М., 50 с.
- Балашиов А. И. (2014). Российская армия: смена модели // *Мир России*, № 4, с. 159–160.
- Банников К. Л. (2002). Антропология экстремальных групп (Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии). М.: ИЭА РАН.
- Данилова Е. Н. (2000). Изменения в социальных идентификациях россиян // *Социологический журнал*, № 3/4, с. 76–86.
- Данилова Е. Н. (2006). Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. М.: ИС РАН, с. 75–76.
- Денисова Г. С., Клименко Л. В. (2013). Особенности региональной идентичности населения Юга России // *Социологические исследования*, № 7, с. 27.
- Диденко И. В., Диденко А. А. (2015). Корпоративизм в военной организации // *Социологический журнал*, Т. 21, № 1, с. 34–45.
- Завальнюк В. В. Военно-профессиональная ориентация молодежи на кадровую службу в армии (на примере курсантов военных вузов г. Москвы): Дис. канд. социол. наук. Москва, 25 с.
- Карлова Е. Н. (2009). Социально-политические механизмы формирования военно-патриотической идентичности у курсантов военного вуза: Автореф. дис. канд. социол. наук. Саратов, 25 с.
- Козлова Т. З. (1995). Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «Кто Я» // *Социологические исследования*, № 5, с. 76–80.
- Кормина Ж. В. (2005). Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое обозрение, 376 с.
- Кудрявцев А. Н. (2015). Профессиональная адаптация выпускника военного вуза // *Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика*, № 2, с. 113–117.
- Некрасов А. С. (2005). Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища: Автореф. дис. канд. психол. наук, Краснодар, 26 с.
- Отношение к армии, военным и к 23 февраля. / Официальный сайт ФОМ. (<http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13966> дата обращения: 20.03.2018).
- Половнев А. В. (2005). Молодые офицеры: военно-профессиональная ориентация // *Социологические исследования*, № 11, с. 62–68.
- Поляков Р. Ю. (2009). Казарменная субкультура курсантов // *Социологические исследования*, № 12, с. 117–120.
- Румянцева Т. В. (2006). Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, с. 82–103.
- Светличная Т. Г., Мосягин И. Г., Губерницкая С. В. (2012). Характеристика сексуальной культуры военных моряков // *Социологический журнал*, № 3, с. 112–128.
- Соловьев С. С. (2003). Менталитет российского офицера: вызовы XXI века // *Социологические исследования*, 2003, № 12, с. 50–62.
- Суркова И. Ю. (2013). Социальная политика в системе гражданско-военных отношений. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.
- Суркова И. Ю. (2013). Концептуализация социальной политики в системе гражданско-военных отношений. Автореф. докт. соц. наук. Саратов, с. 18.
- Тихонова Н. Е., Мареева С. В. (2009). Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М.
- Шемякина И. Е. (2015). Образовательная среда военного вуза и ее изменения // *Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика*, № 2, с. 120–124.

- Ядов В. А. (1993). Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*, № 3–4, с. 167–174.
- Antecol H. and Cobb-Clark D. (2009). Racial harassment, job satisfaction, and intentions to remain in the military // *Journal of Population Economics*, no. 22(3), pp. 713–738.
- Berghaus P. T. and Cartagena N. L. (2013). Developing good soldiers: The problem of fragmentation within the army // *Journal of Military Ethics*, no. 12(4), pp. 287–303.
- Brooks S. K. and Greenberg N. (2018). Non-deployment factors affecting psychological wellbeing in military personnel: Literature review // *Journal of Mental Health*, no. 27(1), pp. 80–90.
- Corona V. P. (2011). Career patterns in the US Army officer corps // *Public organization review*, no. 11(2), pp. 109–134.
- Johansen R. B., Laberg J. C. and Martinussen M. (2014). Military identity as predictor of perceived military competence and skills // *Armed Forces & Society*, no. 40(3), pp. 521–543.
- Li Z., Ning Z., Long C. and Duo Z. Z. (2017). Quantitative Assessment of Career Growth of Chinese Army // *Psychology and Behavioral Sciences*, no. 6(4), pp. 49.
- Proyer R. T., Annen H., Eggimann N., Schneider A. and Ruch W. (2012). Assessing the “good life” in a military context: How does life and work-satisfaction relate to orientations to happiness and career-success among Swiss professional officers? // *Social Indicators Research*, no. 106(3), pp. 577–590.
- Pflanz S. E. and Ogle A. D. (2006). Job stress, depression, work performance, and perceptions of supervisors in military personnel // *Military medicine*, no. 171(9), pp. 861–865.
- Reiner M. D. and Zhao J. (1999). The determinants of job satisfaction among United States air force security police: A test of rival theoretical predictive models // *Review of public personnel administration*, no. 19(3), pp. 5–18.
- Rus M. and Sandu M. (2013). Personality factors and job satisfaction levels in military staff employed on a contract basis // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 92, pp. 814–819.
- Sanchez R. P., Bray R. M., Vincus A. A. and Bann C. M. (2004). Predictors of job satisfaction among active duty and reserve/guard personnel in the US military // *Military Psychology*, no. 16(1), pp. 19–35.
- Woodward R. and Neil Jenkins K. (2011). Military identities in the situated accounts of British military personnel // *Sociology*, no. 45(2), pp. 252–268.
- Yang H., Miao D., Zhu X., Sun Y., Liu X. and Wu S. (2008). The influence of a pay increase on job satisfaction: A study with the Chinese army // *Social Behavior and Personality: an international journal*, no. 36(10), pp. 1333–1339.

REFERENCES

- Agranat, D. L. (2010). Socialization of the person in the paramilitary organizations: problems of norm and deviation: Dokt. diss. sociol. sciences. Moscow, 50 p. (In Russian).
- Balashov, A. I. (2014). The Russian army: the change of model. *The World of Russia*, 4, 159–160. (In Russian).
- Bannikov, K. L. (2002). Anthropology of extreme groups (Dominant relations among military servicemen of the Russian Army). Moscow, Publ. House IEA RAN. (In Russian).
- Daniilova, E. N. (2000). Changes in the social identities of Russians. *Sociological Journal*, 3/4, 76–86. (In Russian).
- Danilova, E. N. (2006). Civil and ethnic identities in Russia and Poland. Civil, ethnic and religious identities in modern Russia. Moscow, Publ. House IS RAS, 75–76. (In Russian).
- Denisov, G. S., Klimenko, L. V. (2013). Peculiarities of the Regional Identity of the Population of the South of Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 7, 27. (In Russian).
- Didenko, I. V., Didenko, A. A. (2015). Corporatism in military organization. *Sociological Journal*, 21(1), 34–45. (In Russian).
- Zavalnyuk, V. V. (2002). Military-professional orientation of youth on the cadre service in the army (on the example of cadets of military universities in Moscow): Cand. Diss. Sociol. sciences. Moscow, 25 p. (In Russian).

Karlova, E. N. (2009). Socio-political mechanisms for the formation of military-patriotic identity in the cadets of a military high school: Cand. Diss. Sociol. sciences. Saratov, 25 p. (In Russian).

Kozlova, T. Z. (1995). Self-identification of some social groups according to the “Who’s Me” test. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 5, 76–80. (In Russian).

Kormina, Zh. V. (2005). Seeing off for the army in post-reform Russia. Experience of ethnographic analysis. Moscow, Publ. House Novoe obozrenie, 376 p. (In Russian).

Kudryavtsev, A. N. (2015). Professional adaptation of a graduate of a military high school. *News from Higher Educational Institutions Sociology. Economy. Politics*, 2, 113–117. (In Russian).

Nekrasov, A. S. (2005). Development of the professional identity of a student of a military school: Cand. Diss. Psychol. Sciences, Krasnodar, pp. (In Russian).

Attitude to the army, the military and by February 23. Official site of POF. (<http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13966> – Access date: 20.03.2018). (In Russian).

Polovnev, A. V. (2005). Young officers: military-professional orientation. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 11, 62–78. (In Russian).

Polyakov, R. Yu. (2009). Barracks subculture of cadets. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 12, 117–120. (In Russian).

Rumyantseva, T. V. (2006). Psychological counseling: diagnosis of relationships in pairs. SPb.: Publ. House Speech, 82–103. (In Russian).

Svetlichnaya, T. G., Mosyagin, I. G., Gubernitskaya, S. V. (2012). Characteristics of the sexual culture of military seamen. *Sociological Journal*, 3, 112–128. (In Russian).

Soloviev, S. S. (2003). The Mentality of a Russian Officer: Challenges of the 21st Century. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 12, 50–62 (In Russian).

Surkova, I. Yu. (2013). Social policy in the system of civil-military relations. Moscow: Publ. House Variant, TsSPMI. (In Russian).

Surkova, I. Yu. (2013). Conceptualization of social policy in the system of civil-military relations: Dokt. Diss. Soc. sciences. Saratov, 18. (In Russian).

Tikhonova, N. E., Mareeva, S. V. (2009). Middle class: theory and reality. Moscow: Publ. House Alfa-M. (In Russian).

Shemyakina, I. E. (2015). The educational environment of a military high school and its changes. *Journal of Higher Education Sociology. Economy. Politics*, 2, 120–124. (In Russian).

Yadov, V. A. (1993). Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the individual. *Universe of Russia*, 3–4, 167–174. (In Russian).

Antecol, H. and Cobb-Clark, D. (2009). Racial harassment, job satisfaction, and intentions to remain in the military. *Journal of Population Economics*, 22(3), 713–738.

Berghaus, P. T. and Cartagena, N. L. (2013). Developing good soldiers: The problem of fragmentation within the army. *Journal of Military Ethics*, 12(4), 287–303.

Brooks, S. K. and Greenberg, N. (2018). Non-deployment factors affecting psychological wellbeing in military personnel: Literature review. *Journal of Mental Health*, 27(1), 80–90.

Corona, V. P. (2011). Career patterns in the US Army officer corps. *Public organization review*, 11(2), 109–134.

Johansen, R. B., Laberg, J. C. and Martinussen, M. (2014). Military identity as predictor of perceived military competence and skills. *Armed Forces & Society*, 40(3), 521–543.

Li, Z., Ning, Z., Long, C. and Duo, Z. Z. (2017). Quantitative Assessment of Career Growth of Chinese Army. *Psychology and Behavioral Sciences*, 6(4), 49.

Proyer, R. T., Annen, H., Eggimann, N., Schneider, A. and Ruch, W. (2012). Assessing the “good life” in a military context: How does life and work-satisfaction relate to orientations to happiness and career-success among Swiss professional officers? *Social Indicators Research*, 106(3), 577–590.

Pflanz, S. E., and Ogle, A. D. (2006). Job stress, depression, work performance, and perceptions of supervisors in military personnel. *Military medicine*, 171(9), 861–865.

Reiner, M. D. and Zhao, J. (1999). The determinants of job satisfaction among United States air force security police: A test of rival theoretical predictive models. *Review of public personnel administration*, 19(3), 5–18.

Rus, M. and Sandu, M. (2013). Personality factors and job satisfaction levels in military staff employed on a contract basis. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 92, 814–819.

Sanchez, R. P., Bray, R. M., Vincus, A. A. and Bann, C. M. (2004). Predictors of job satisfaction among active duty and reserve/guard personnel in the US military. *Military Psychology*, 16(1), 19–35.

Woodward, R. and Neil Jenkins, K. (2011). Military identities in the situated accounts of British military personnel. *Sociology*, 45(2), 252–268.

Yang, H., Miao, D., Zhu, X., Sun, Y., Liu, X. and Wu, S. (2008). The influence of a pay increase on job satisfaction: A study with the Chinese army. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 36(10), 1333–1339.